

О «ЛИНГВИСТИКЕ РЕЧИ» (в частности, о междометии)

© 2015 г. Татьяна Михайловна Николаева

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Россия

Автор статьи предполагает существование лингвистики речи, отдельной от по-уровневой лингвистики языка и не совпадающей с речью как порождением речевой деятельности. В лингвистику речи входит прежде всего «коммуникативный фонд», состоящий из междометий, партикул, порядка элементов, просодии слова и фразовой интонации на всех ее уровнях. В лингвистику речи входит и конвой изолированного высказывания, без которого определить его смысл невозможно. Таким образом, язык представляет собой нечто вроде сотрудничающей конфедерации. В широком смысле в лингвистику речи входят и правила построения текста.

Ключевые слова: лингвистика речи, междометия, партикулы, коммуникативный фонд, просодия слова, фразовая интонация, конвой изолированного высказывания

ON THE «LINGUISTICS OF SPEECH»

Tatiana M. Nikolaeva

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russia

The author proposes to consider linguistics as a confederation including the linguistics of speech and the linguistics of language. The linguistics of speech is not the fluent speech as such and is not the product of language activity. The most part of linguistics of speech constitutes the so-called «communicative fond»: interjections, *particulae*, particles, the word order and the whole system of language prosody. In the broad sense the linguistics of speech includes also the encirclement of an utterance.

Keywords: linguistics of speech, interjections, *particulae*, particles, fond of community, phrase intonation, word prosody and surroundings of isolated utterance

Относительно междометий как класса можно сказать, что в мировой науке по поводу них существует согласие в несогласии и согласие в утверждении их непонятности. Так, все согласны, что междометия — это часть речи, входящая в общий инвентарь частей речи данного языка. Согласны все и во многом другом. Например, в том, что междометия делятся на первичные (первообразные): *А!*, *О!*, *Ой!*, *Ах!* и т. д. и вторичные (производные). (О теоретической допустимости такого деления будет сказано далее.) Состав этих классов для лингвистов разнообразен — скажу только, что мною собрано около восьмидесяти описаний систем междометий разных языков вплоть до самых экзотических, и большинство их не совпадает не столько по составу, сколько по подходу исследователя.

К первому классу, первичному, ученые часто приписывают, кроме собственно междометий, частицы, звукоподражательные слова, слова — обращения к животным, даже хезитации.

Во второй класс вводят слова-восклицания: *Боже мой!*, *Какой ужас!*, *Вот это да!* и этикетные стереотипные выражения вроде *Здравствуйте*, *Пожалуйста*, *Ну что Вы?*, *Спасибо* и т. п. Оба списка неединообразны, единообразно только деление на них. Приписать нечто к классу междометий гораздо менее ответственно, чем приписать нечто к глаголам или прилагательным. Поэтому большая часть интернет-сообщений о диссертациях,

посвященных междометиям, описывает экзотические междометия, и защищаются такие диссертации легко, так как проверить эти списки затруднительно.

Вернемся к фактам общего согласия. Так, все согласны, что одни и те же междометия, например, *А!* или *Ох!* могут произноситься с самой разной интонацией и иметь в коммуникативном контексте разное значение.

Как их определяют?

Не обращаясь к временам давним (а о междометиях говорили начиная с античности), обратимся к дефинициям середины прошлого века.

В академической грамматике 1970 г. [АГ-70] о междометиях говорится необычайно кратко:

Междометие — это часть речи, объединяющая слова, которые выражают (но не называют) различные эмоции и призывы.

Большая часть междометий — это неизменяемые односложные или двусложные слова, лишенные лексического значения: *ай, ах, ох, эх, ах, ба, о, ой, ага, увы, айда, алло, бис, браво, ура* и др. Некоторые междометия образуются повторением односложных междометий: *ай-ай-ай, ой-ой-ой, ах-ах-ах, сюда же, ах-ах-ах, кис-кис-кис, цып-цып-цып* и др. [АГ-70: 313].

Далее говорится — по одной фразе — о том, что к междометиям примыкают (? — *Т. Н.*) слова звукоподражательные и слова, выражающие эмоции, но утратившие свое значение, например, *ужас!*

В академической грамматике 1980 г. [АГ-80] междометиям уделено внимания гораздо больше, но значительную часть этого пятистраничного раздела составляют классификации междометий и примеры. Определение же их таково:

Междометия — это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто непроизвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность: *ах, ба, батюшки, ну и ну, ого, ой-ой-ой, ох помилуйте, то-то, тьфу, ура, ух, черт, айда, алле, ату, ау, брысь, караул, стоп, улю-лю, кис-кис, цып-цып-цып* и др. По ряду признаков к междометиям примыкают звукоподражания <...>.

В системе частей речи междометия занимают особое положение. Как слова, лишенные номинативного значения, они не относятся ни к одной из знаменательных частей речи. Вместе с тем междометия существенно отличаются и от слов служебных, так как их роль в синтаксической организации текста не аналогична роли частиц, союзов и — тем более предлогов [АГ-80: 732]¹.

1. Десятилетиями основным авторитетом в области русского языка, как и практически основным его кодификатором, был Виктор Владимирович Виноградов. Естественно обратиться поэтому к его знаменитой книге «Русский язык». Как это ни покажется странным, В. В. Виноградов практически уходит от вопроса о том, что же такое междометия, понимая, что это, по сути, вопрос неразрешимый (для эпохи 1945 г.). Вот абсолютное начало главы о междометиях его книги:

В старой лингвистической традиции вопрос о междометиях был связан с общей проблемой возникновения и границ слова. Из междометий нередко выводились первичные слова человеческого языка. Междометия как эмоциональные сигналы противопоставлялись словам как знакам мысли. Между тем живые семантические процессы, характеризующие употребление междометий в современном русском языке, почти не были предметом изучения. Этимологическая точка зрения на междометия в русском языкознании не сдвинулась с вопроса о переходе междометий в слова (если не считать общих наблюдений акад. Н. Я. Марра о происхождении и генезисе междометий). Но по отношению к современному русскому языку сам этот вопрос менял свою форму и содержание. **Для современности гораздо важнее наблюдения над превращением других слов в междометия** (выделено мной. — *Т. Н.*) [Виноградов 1973: 584].

¹ Автор статьи не считает необходимым подробный анализ академических определений междометия.

Все лингвисты отмечают также возможную необычность звукового облика первичных междометий; они могут даже включать в себя звуки, вообще неизвестные фонетической системе данного языка. Более того, исследования показывают, что как будто бы идентичные по звуковому составу междометия даже в родственных языках могут выражать различную смысловую гамму. Как пишет С. И. Карцевский: «Чтобы остановить лошадь, русский, а также финн кричат “*тпру*”, что есть не что иное, как долгий билабиальный *p*. В русском *ф* никогда не встречается перед гласной, однако это правило не распространяется на междометия: *фу* (отталкивающий запах), *фырк* или *фркк* (фыркание лошади) и т. д. Уже в процессе эволюции общеславянского языка начальное *э* получило протезу, но восклицания обходятся без нее; например, в русском *э!*, *эге!*, *эх!*, *эй!*» [Карцевский 1984: 129]. Как об этом писала А. Вежибicka [Вежибicka 1999], сопоставляя употребление русского *Oй!* и *Oj!* польского: почти полностью совпадая фонетически, эти междометия все-таки различаются по семантике.

Большинство лингвистов считает, что междометия не входят в синтаксическую структуру высказывания, а как бы свободно «болтаются» внутри нее — в начале, в середине, в общем, в соответствии со своей внутренней формой: *inter-jectio*.

Исключением в этом плане является замечательная статья Н. Ю. Шведовой, задолго опередившая теорию конструкций, которую она строит, начиная с междометий:

В современной русской разговорной речи существует ряд конструктивных типов предикативных единиц, в которых обязательным структурным элементом является непроеизводное междометие или неразложимое сочетание такого междометия с частицей или местоименным словом. Изъятие междометия ведет здесь не только к изменению эмоциональной и модальной окраски высказывания, но и к разрушению данной предикативной единицы как определенного типа построения. Некоторые из этих конструкций отмечаются исследователями, но собственно «строительная» грамматическая роль междометия упускается из виду... [Шведова 1957: 85]

Связь междометий в некоторых конструкциях отмечается ею далее: «Существует ряд предикативных единиц, оформляемых при участии сочетания непроеизводного междометия с местоименным словом. <...> Междометие в таких построениях обязательно несет на себе ударение, вся конструкция интонационно не членится» [Там же: 90]. Но таких проницательных статей мало.

Наконец, очевидно, что междометие — это нелюбимая для серьезных языковедов часть речи; действительно, какие-то «мелкие слова», пользуясь выражением Л. В. Щербы, который, однако, их любил. Часть речи, нелюбимая так же, как и интонация (кроме тех, кто занимается ею серьезно)², нелюбимая, как и частицы, как и партикулы — опоры коммуникативного фонда языка, о которых я тоже пыталась писать, нелюбимая, как и контекстный конвой изолированного предложения. Да как и сам текст, анализом которого, по сути, занимаются немногие.

В 1992 г., однако, целый том «*Journal of pragmatics*» был посвящен именно междометиям. Одна из статей этого журнала, работа известного исследователя междометий Феликса Амеки, называлась очень точно: «Междометия: универсальная, однако пренебрегаемая часть речи» («*Interjections: The universal yet neglected part of speech*» [Ameka 1992]).

В отечественной науке в последние годы серьезные исследования междометий и их функций были опубликованы И. А. Шароновым. Не приводя весь список его работ на эту тему, остановимся на монографии, целиком посвященной междометиям во всех возможных аспектах этого странного класса [Шаронов 2008]. Открывается она примерно теми же словами, что и наша статья: «Междометия вслед за Л. В. Щербой можно назвать самой неясной и туманной областью языка. Лингвистические представления об этих единицах — клубок противоречий и методологической путаницы» [Там же: 9].

² О причинах нелюбви к серьезному изучению интонации я писала подробно в статье «Почему лингвисты не любят “про интонацию”?» [Николаева 2009].

Книга И. А. Шаронова описывает класс междометий фундаментально. Представлена история изучения междометий³, семиотический аспект подхода к этому классу, когнитивный и социологический подходы, соотношение первичных междометий и ономатопои. В целом И. А. Шаронов полагает, что первичные (primary) междометия выполняют роль звуковых жестов.

Создается впечатление, что после книги Шаронова эта тема, скорее, закрыта. Но все-таки так сказать нельзя. Видно, что за всеми этими «нелюбимыми» компонентами речепождения тянутся куда-то вглубь не столько нашей речи, но сколько нашей лингвистики, таинственные нити, клубок, который хотелось бы хоть немного распутать.

2. Известно, что в лучшем случае все мы стоим на плечах гигантов. Поэтому прежде всего в данной ситуации нужно обратиться к трудам С. И. Карцевского, придававшего междометиям очень большое значение в общей системе становления нашей речевой способности. Благодаря самоотверженному труду профессора Ирины Фужерон и ее коллег мы имеем теперь два недавно изданных собрания трудов С. И. Карцевского — на русском и французском языках [Karcevski 2000; Карцевский 2004]. Недостаточная признанность Карцевского как лингвиста по сравнению, например, с тем же Р. О. Якобсоном, как кажется, объясняется тем, что он жил за границей, писал в основном по-французски, а примеры приводил русские во французской транслитерации, теряя таким образом многих своих потенциальных читателей.

Но, к счастью, серьезнейшая работа Карцевского о междометиях и их сущностях 1941 г. была переиздана в журнале «Вопросы языкознания» в 1984 г. [Карцевский 1984]. Цель этой статьи — не включить междометия в привычный для лингвиста перечень «частей речи», а, напротив, показать их и языковую, и семиотическую особенность. Как пишет Карцевский: «Общим для всех междометий является отсутствие у них концептуальной значимости. Не случайно их считают словами, образующими особую “часть речи”, хотя и соотносительную с другими частями речи. <...> Ни *мяу*, ни *а-а-а* не имеют никаких формальных показателей. Более того, мы сможем убедиться в том, что употребление этих знаков во многом отличается от функционирования частей речи. **Междометия принадлежат особому семиологическому плану** (выделено мной. — Т. Н.)». Разумеется, Карцевский говорит и о типологическом разнообразии междометий, и об их звуковой особенности: «То, что называют “фонологической системой”, управляет звуковой структурой концептуальных семиологических планов и, в первую очередь, слов, организованных в части речи. Но ее воздействие практически не распространяется на не-концептуальный план, к которому принадлежат междометия». Таким образом, междометия не входят ни в какой перечень и, строго говоря, частью речи не являются⁴. Очень важно то, что, опережая науку о происхождении языка на 60—70 лет, Карцевский связывает междометия с жестовым языком: «В первобытном обществе наряду со звуковым языком широко используется язык жестов. Последний оказал большое влияние на первый. Можно утверждать, что он послужил основой его развития» [Там же: 129—130].

Не останавливаясь на гипотезе происхождения междометий, Карцевский намечает путь их эволюции — тоже особый и не повторяющий эволюцию других речевых классов [Karcevski 2000]. То есть Карцевский выдвигает гипотезу о том, что восклицания, например, *и*, *а*, *но*, *да*, *ну* постепенно становятся союзами, хотя с животными мы обычно говорим восклицаниями. Возникающие союзы делятся на внешние, начинающие высказывание, и внутренние, входящие в структуру высказывания. См. (пример дается мной в русской

³ Некоторые исследователи, в основном описывающие «экзотические» междометия, трактуют идущий от античности термин «interjection» буквально и настаивают на том, что междометия должны помещаться в середину высказывания.

⁴ Однако нужно честно признать, что к междометиям Карцевский относит также и звукоподражательные слова, и восклицания — «преднамеренные человеческие выкрики».

транслитерации. — Т. Н.): *Отец хотел уехать а нас оставить да все колебался, но мать настояла и нас увезли* [Ibid.: 137]. Удивительно и предложенное им достаточно оригинальное когнитивно-семантическое деление внешних и внутренних союзов. По его мнению, переход от внешних союзов к внутренним способствует большей интеллектуализации и интериоризации сообщаемого: «Les conjonctions externes sont plus ou moins émotives, les conjonctions internes sont plus ou moins intellectualisées» [Ibid.: 147]. Собственно говоря, эта же идея высказывается и в упомянутой выше его статье о междометиях [Карцевский 1984: 129]. Восклицания *э!*, *эх!*, *эй!* включаются в местоимения дейктического характера: *этот*, *эдакий* и т. п., без характерной для русского языка протезы и чередования типа *елень* > *олень*.

Таким образом, становится очевидным, что Карцевский интересовался минимальными единицами речепорождения и их языковой судьбой.

Эпоха Карцевского была эпохой, которую условно можно назвать предвоенной, эпохой, когда еще можно было говорить о более чем одной лингвистике, можно было говорить о лингвистиках с их поисками, прозрениями и заблуждениями.

3. Необходимо заметить, что С. И. Карцевский много работал над описанием высказывания и роли союзов в нем, по сути, он был первым, открывшим системную значимость типов фразовой интонации [Karcevski 2000]. Однако в этом интересе к живой фразе и укрепляющим ее мелким «словечкам» он был в предвоенную эпоху совсем не одинок. Достаточно здесь назвать имена отечественных ученых: В. И. Абаева, И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона и др. Сходным было и мало известное у нас направление немецких ученых-телеологов: Э. Хермана, В. Хаверса, В. Хорна и др.⁵ И те и другие «выросли» из исследователей древних языков, а также языков экзотических, в связи с чем определялся интерес к невербальной стороне человеческой коммуникации, целевой установке на поиск движущих элементов возникновения человеческого языка вообще. Эта невербальная сторона человеческой коммуникации была связана с изучением жестовой системы (обычно у экзотических племен) и с теорией интонации как языковой подсистемы, которая тогда только начинала развиваться и, в сущности, сводилась к месторасположению так называемого «тона». Так, телеолог Э. Херман видел начало звукового языка в междометных выкриках неопределенной семантики [Hermann 1942: 15]. Каждое из этих междометий имело консонантную опору (Stammlaut), которая в дальнейшем модифицировалась через сопровождающий вокал, становясь формой CV и приобретая более конкретизированное значение. Строго говоря, необходимо заметить, что тут он был неправ: во-первых, первичные выкрики-восклицания могли иметь и имели только вокальную форму, во-вторых, его восклицания и были для славянских языков по форме именно теми партикулами, из которых сложился славянский коммуникативный фонд и которые подробно описаны в книге [Николаева 2008]. «Мелкие словечки» для всех лингвистов именно этого направления описывались как наиболее частотные, удобопроизносимые, и именно из них создавался первообразный синтаксис. В рамках синтаксиса как опоры лингвистической теории интерес вызывали и некие местоименные элементы [Кацнельсон 1936: 97], которые вначале не были ни глагольными, ни местоименными, а имели некое диффузное значение. Тот же Кацнельсон пишет: «Не слова составлялись из готовых звуков, а, напротив, отдельные звуки вырабатывались в ходе развития отдельных языков» [Кацнельсон 1949: 16].

Наиболее близким немецким телеологам, пожалуй, оказался В. И. Абаев с его замечательными идеями языка как идеологии и языка как технизации [Абаев 1934/1995: 51]. Системная строгость языка, по его мнению, есть явление позднее, а древнейшие языки составляли массив исключений, приближающийся просто к словарю. «Дело в том, что каждый язык в своей грамматической и лексической структуре влачит в десемантизированном виде обрывки и клочки мировоззрений прошлого, в сильнейшей степени замаскированные и перепутанные процессами технизации» [Там же: 61].

⁵ Подробно об этом направлении см. работу [Николаева 2000a].

Более подробно описывать некие близкие друг к другу направления той эпохи не стоит: суть их ясна и так. Из «синтаксического дыма» то ли высказывания, то ли просто неоформленной жестово-просодической цепочки возникали отдельные фонетически простые единицы, выражающие определенные смыслы в определенных ситуациях⁶.

Междометия таким образом оказывались первыми претендентами на роль первичных единиц коммуникации.

Существуют и на раннем этапе истории языкознания именно такие теории, согласно которым междометия являются «первословами», так как они непроеизводны и соотносятся с эмоциональными выкриками (Ш. де Бросс, Ж. Ж. Руссо, В. Вундт)⁷.

(Не имеет смысла обсуждать действительно безумные четыре протоэлемента марризма, о происхождении которых сам И. И. Мещанинов дал ответ, достойный, скорее, жреца, а не ученого: «Спрашивается, как возникли эти четыре элемента и какое объяснение им дается? Категорически полный ответ дать пока трудно, так как мы вынуждены углубляться в состояние человечества, о котором человек уже забыл» [Мещанинов 1929: 175].)

4. Можно подумать, что в настоящей статье обсуждаются лишь вопросы, относящиеся к истории языкознания, пусть даже относительно недавней.

Между тем это совсем не так. По мысли автора, современная лингвистика, о которой будет сказано ниже, все еще влачит за собой, пользуясь выражением В. И. Абаева, «обрывки и клочки мировоззрений прошлого».

И вот в последние годы, т. е. начиная с 90-х гг. XX в., вспыхнул интерес к происхождению языка. А тем самым и к его первообразным единицам. Работ этих опубликовано несметное количество, но в большинстве из них ощущается некая робость предела, желание найти «разумное» объяснение того, почему возник наш язык. Ни в коем случае не будет это обсуждаться в данной статье, хотя нельзя пройти мимо некоего фактора, называемого мной «параллельным», который всегда обнаруживается в подобных работах. Теория «параллельного фактора» в возникновении и развитии языка была популярна еще во второй половине XIX в. ([Воегее 2003] и др.). Например, язык появился из-за потребности контакта с близкими («мама» теория); бипедализм привел к увеличению занятости рук, а протоязык, повторяя эти движения, стал их комбинировать с вокализацией («та-та» теория); язык стал имитировать звуки внешнего мира («бау-вау» теория); язык произошел из ритмического пения, производимого во время тяжелой работы («yo-heave-ho» теория). Подобных «теорий» много. Так, существует «динг-донг» теория, приписывающая возникновение языка осознанию связи между обликом вещей и набором звуков. Язык мог быть порожден смехом, ухаживанием («синг-сонг» теория), люди нуждались в контакте и заявляли о себе («хей, вы!» теория). Наконец, была популярна и «хокус-покус» теория, возводящая язык к магическим звукам, возможно, магии контакта с животным миром. Эффектна и теория «эврика», согласно которой язык был открыт внезапно. Ср. «Humanity does not construct language, it finds it» [Tassot 1988: 3].

Такие теории параллельного фактора были удобны тем, что этот фактор объявлялся некоей первопричиной, тогда он снимал бы ответственность с гуманитарного исследователя языка и передавал ее кому-то другому.

Итак, через сто лет после запрета подобных исследований интерес к происхождению языка возродился; вместе с ним возродились и поиски «параллельного фактора». Например, появление языка объясняется латерализацией мозга гоминидов [Chiarelli 1989]: оно совпадает с началом изготовления каменных орудий [Ragir 1993]. Развитие языка — это результат эхолокации и акустической сенсорики: «Вполне можно считать верифицированным положение о том, что на ранних эволюционных этапах преимущество было за не-оптической

⁶ Говорить здесь о «фонемах» просто некорректно теоретически, так как фонемы суть единицы по-уровневого языкового строя, суть единицы языка, а не речи.

⁷ См. об этом [Прокахина 2012].

сенсорикой, именно она помогала выжить» [Fründt 1993: 15]. Можно сколько угодно перечислять «параллельные факторы» и далее. Иногда «параллельный фактор» связывается с теорией «скачка». Так, скачком считалось появление поэтического ритма, который связывался в сознании с иконическим отображением мира; скачком было и появившееся у гоминидов искусство подражания; скачком было прежде всего «оскудение» физического окружения: с появлением ледников (ice ages) гоминиды стали искать пищу, что уже в свою очередь требовало большего развития их мозга. И тогда возникновение языка стало необходимым. Наконец, при увеличении мозга происходило постепенное смещение жестовой и вокальной систем коммуникации, при котором жестовая постепенно отходила на задний план [Corbalis 2002].

Все эти, даже самые последние, теории замечательны тем, что они часто могут выступать как «перевертыши». Например, мозг увеличился — и появился язык. Можно считать и наоборот: язык появился — и мозг увеличился. И так далее.

Наконец, интерес к происхождению языка несколько сместился в сторону его первичного состояния. В этом отношении интересно обратить внимание на привлекающую общее внимание и неоднократно рецензировавшуюся в нашей научной прессе книгу У. Т. Фитча «Эволюция языка» [Фитч 2013]⁸. На самом деле, в этой огромной книге о языке как таковом, о том языке или языках, которые преподаются в школах, говорится очень мало. Еще меньше говорится о его эволюции. Ведь, по сути дела, сейчас, в 2015 г., уже сложно дать определение языка, т. е. выявить, что в нем (то есть в нашем понимании языка) является построением лингвистов, а значит — артефактом, а что является неотъемлемым элементом речевой деятельности. В известной мере отношение языка к его реальному воплощению можно сравнить с отношением глобуса к точной форме планеты Земля, которая на самом деле, как известно, вовсе не такая и круглая. Фитч огромное внимание уделяет коммуникативно-звуковым способностям животных, привлекая обильную литературу о языке животных, столь облегчающую исследователям возможность уйти от основной проблемы. Как и многие другие исследователи происхождения языка, Фитч много занимается жестовыми знаками, которые сопровождали человеческую речь в ее истоках. Вторым фактором, столь же важным для изложения его теории, является реконструируемая просодическая цепочка некоего звучащего потока, который условно можно назвать высказыванием. Но уже никак не языком. Сам Фитч в этом признается: «Подытоживая сказанное, я должен согласиться с Хьюзом — стандартные аргументы не в состоянии правдоподобно объяснить переход наших предков от жестовой коммуникации к речи» [Фитч 2013: 479]. Характерно, что Фитч указывает на вторичное, рекурсивное обращение к синтаксису как источнику языковой деятельности, казалось бы, забытому, отодвинутому в течение сорока лет победным шествием по-уровневого строя, начинающегося с фоном. «Так, многие исследователи видят истоки синтаксиса в необходимости формирования развитой социальной среды <...> Они не отрицают, что эти первоначальные адаптации казались специфически присущими только эволюции человека и тем самым присоединяются к идее формирования синтаксиса именно для человека. <...> Согласно всем этим гипотезам, синтаксис — это главный инструмент, который, однажды сформировавшись, открыл дорогу к становлению современных языков. Иными словами, речь идет о биологической эволюции синтаксиса как такового» [Там же: 146].

В заключение Фитч присоединяется к той модели эволюционного происхождения речевой деятельности, «согласно которой жестикуляция и речь эволюционировали в тесной связи друг с другом. Таким образом, я рассматриваю комбинацию двух названных моделей в качестве кандидатов на состояние, предшествующее лексическому протоязыку» [Там же: 543]. Фитч не пользуется словом «просодический», заменяя его более, видимо, для него понятным словом «музыкальный». Но в целом его теорию — а он ссылается на слишком

⁸ Рецензии на эту книгу можно найти хотя бы в журналах «Вопросы языкознания» и «Известия РАН. Серия литературы и языка»; см. [Бурлак 2014; Козинцев 2014].

многое и многих, что говорит о некоторой его самонеуверенности — можно сформулировать как формирование неких жестово-просодических цепочек, из которых как бы «выпадали» (пользуясь терминами 1930-х гг.) некие единицы, которые с большой натяжкой можно назвать словами.

Второй часто цитируемый и популярный автор, пишущий о «происхождении языка» — это М. Томаселло. В своей книге [Томаселло 2011] он ведет происхождение человеческого языка к жестовому началу, переходящему от указательных жестов к жестам-картинкам и жестам-ситуациям, сопровождаемым звуками. Его концепция в общем смысле совпадает с концепцией У. Фитча.

Итак, высказывание — это достаточно длинная звуко-жестово-просодическая цепочка. Интересная точка зрения проглядывает и из замечательно смелой статьи Ф. А. Елоевой, Е. В. Перехвальской, Э. Саусверде [Елоева и др. 2014]. Как будто бы занимаясь только когнитивной функцией метафоры, авторы делают вывод о некоем типе дискурса:

Отсутствие (малое количество) метафор сигнализирует о таком дискурсе, в котором:
— у людей отсутствует необходимость говорить на абстрактные темы;
— отсутствует необходимость вербализации окружающего мира.
Такой тип дискурса есть в любом языке [Там же: 82].

Авторы идут далее. Они говорят о том, что таковы не только типы дискурса, но и языки в целом. В конце концов они также приходят к выводу, что «по-видимому, древнейшей формой языка были характерные в детской речи слова-высказывания, описывающие всю ситуацию в целом <...> Можно предположить, что в языках древнего человека таких слов (т. е. слов-картинок. — Т. Н.) могло быть значительно больше и что именно из таких слов, описывающих ситуацию в целом, и состоял первоначально человеческий язык. При этом данные слова-картинки не были в чистом виде звукоподражательными, не основывались на произвольных выкриках и т. п. Они были произвольны, как и любой другой языковой знак. В этом смысле язык, состоящий из подобного рода слов-картинок, являлся в полной мере человеческим языком» [Там же: 87].

Автор настоящей статьи не исследует происхождение человеческого языка, хотя имеет и свое не высказываемое здесь мнение. Но хочется задать терминологический вопрос: ведь практически все работы на эту тему — а имя им легион — так или иначе трактуют **происхождение языка**. Что такое язык, мы все-таки знаем: это гигантская многомерная и многоярусная машина с разветвленными иерархически единицами и их все по-новому определяемыми функциями? Не создается ли впечатление, что изучение лепета малолеток, жестикуляции у высших приматов, пения птиц, способности собак различать множество команд и даже описание языков, которые Елоева и соавторы осторожно трактуют как «не-метафорические», есть в какой-то мере сознательный уход от основной проблемы: что ребенок учится языку, но его не производит, что собака различает команды на языке хозяина, но их не повторяет и т. д.

Более того, почему-то междометия, местоимения и др. — это всегда для лингвистов «части речи» (parts of speech и никак иначе), а у языка есть уровни, но нет частей.

5. Итак, если все говорят о «частях речи», то хочется понять, что такое речь и как она делится на части. Обратимся снова к великим гигантам, чтобы знать это и понять. Разумеется, в данном случае гигант — это Фердинанд де Соссюр, знаменитый многими своими научными тезисами, в том числе и дихотомией язык — речь. Внимательное чтение его «Курса» показывает удивительную вещь: ровно сто лет тому назад Соссюр понимал искусственность существования языка, его артефактивность:

Как же надо представлять себе этот социальный продукт, чтобы язык вполне выделился, обособившись от всего прочего? Если бы мы были в состоянии охватить сумму всех словесных образов, накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, которая и образует язык. Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному

коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу⁹, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе [Соссюр 1977: 52].

Таким образом, язык есть как бы объективная реальность и как бы нет: «Язык есть нечто вполне определенное в разнородном множестве фактов речевой деятельности <...> Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива. Вместе с тем, чтобы знать его функционирование, индивид должен учиться; ребенок овладевает им лишь мало-помалу» [Там же]. «Как мы только что видели, язык есть общественное установление, которое во многом отличается от прочих общественных установлений: политических, юридических и др.» [Там же: 54].

Что же такое речь? Часто говоря о том, что она принадлежит индивиду в отличие от языка, и создавая впечатление у потомков, что речь — это, в общем, речевой поток, *fluent speech*, Соссюр все же оговаривается: «Речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык; **исторически речь всегда предшествует языку** (выделено мной. — Т. Н.). <...> Таким образом, устанавливается взаимозависимость между языком и речью: язык одновременно и орудие, и продукт речи. **Но все это не мешает языку и речи быть двумя совершенно различными вещами** (выделено мной. — Т. Н.)» [Там же: 57].

Глава IV «Курса» Фердинанда де Соссюра называется «Лингвистика языка и лингвистика речи». Различая их, он пишет: «Можно в крайнем случае сохранить название лингвистики за обеими этими дисциплинами и говорить о лингвистике речи. Но ее нельзя смешивать с лингвистикой в собственном смысле, с той лингвистикой, единственным объектом которой является язык.

Мы займемся исключительно этой последней...» [Там же: 58].

6. В нашей же статье мы наконец займемся первой. То есть лингвистикой речи. Цель автора — показать, что такая лингвистика существует — также, как и лингвистика языка. Что это вовсе не индивидуальный речевой поток и не индивидуальная речевая деятельность, а общая для всего говорящего национального социума многоуровневая, многомерная и многофункциональная система, еще очень и очень недостаточно изученная. Пожалуй, это то, что большинство современных (или считающих себя современными) лингвистов «не любит», от чего отмахиваются или как будто не замечают. Могу сказать, что это то, чему автор настоящей статьи посвятил около пятидесяти лет своей уже долгой жизни и что этот факт непрерывности научного пути был им осознан только в самое последнее время.

Прежде всего речь пойдет о том, что было мною названо «коммуникативным фондом». Что туда входит? Сначала скажем кратко, в режиме списка.

— Это все просодические явления: интонация фразы, интонация / просодия слова, тип выражения словесного ударения, тип оформления подчеркивания слова или словосочетания, если оно необходимо, тип паузации и ее семантика, сильные и слабые фразовые позиции в любом коммуникативном типе фразы. Это сложное соотношение словесной и фразовой просодии и многое-многое другое.

— Это, конечно, междометия. Только междометия первичные, или первообразные, как бы они ни назывались в любой лингвистической традиции.

— Это те элементы, которые мною в монографии «Непарадигматическая лингвистика» [Николаева 2008] были названы партикулами и из которых создаются союзы, частицы, местоимения, местоименные наречия, флексии в именных и глагольных парадигмах, компоненты наречия и т. д. Например, *и-бо, ли-бо, и-но, и-ли, да-ли, да-же, да-бо, къ-то, къ-то-то, та-къ* и т. д.

— Это порядок элементов в тех языках, где он значим и функционален.

⁹ Во французском языке слово *virtuel/le* имеет еще значение ‘потенциальный, возможный’, так что не следует считать Соссюра уж слишком современным.

— Это конвой изолированного высказывания, без которого по-настоящему понять его смысл невозможно. И пренебрегать им также невозможно, поскольку без него высказывание остается правильным, но нереализованным.

— В конце концов это даже текст во всей его сложности и связности, подлинный и потаенный (или не-потаенный) смыслы которого стали изучать только в последние десятилетия. Таким образом, название одной из моих монографий — «От звука к тексту» [Николаева 2000б] — можно считать как бы изначально заданным, а не случайным, хотя это название можно перевернуть и назвать книгу: «От текста к звуку».

Я полностью присоединяюсь к тезису Ф. де Соссюра о том (см. выше), что «исторически речь всегда предшествует языку». Таким образом получается, что я присоединяюсь и к позиции У. Фитча, М. Томаселло и других их единомышленников в том, что в начале было нерасчлененное жестово-просодически оформленное высказывание, из которого постепенно выпадали слова и отмеченные говорящим просодические тональные узлы со временем становились центрами будущих слов, возможно, тональными ударениями¹⁰.

Почему можно предположить, что лингвистика речи, как это сто лет тому назад понял Ф. де Соссюр, предшествовала лингвистике языка? Да хотя бы потому, что многое в ней не изменяется, не исчезает и не эволюционирует (или эволюционирует в очень малой степени) в отличие от элементов лингвистики языка.

Так, например, набор славянских партикул практически не менялся примерно до XVI в. То же можно сказать о наборе первичных (первообразных) междометий и т. д.

Не все лингвисты, как можно быть в этом уверенным, знают, что фразовая интонация распределяется и профилируется по слогам, а не по словам, как часто думают.

Итак, можно себе представить, что в некоем периоде друг против друга стояли два массива (разумеется, это изображение метафорично): лингвистика речи в ее коммуникативном аспекте и зарождающаяся лингвистика языка.

Но в каждом из этих массивов все в большей и большей степени обозначались лакуны, как бы когнитивные дыры. И тогда оба массива стали заполнять пустоты друг друга. Этому способствовало и нежелание лингвистов (а вспомним, что язык в известной степени — это артефакт) понять системную неоднородность нашего средства коммуникации (сейчас я сознательно избегаю слова «язык») и, напротив, желание объединить обе лингвистики, как бы сплюснуть их в единую колонну. Отсюда появились в словарях и грамматиках частицы вроде *пускай, пусть, ведь* и т. п., явно составленные не из партикул и — тем самым — не из первичного коммуникативного фонда. Отсюда появилось желание объявить междометиями этикетные стереотипы вроде *Большое вам спасибо; Здравствуйте!; Ну, что вы!; Боже мой, какой ужас* и т. п. Отсюда появилось желание включить в класс междометий звукоподражательные слова, которые на самом деле являются цитатными единицами, а не естественными человеческими выкриками. Отсюда же появилось желание включить в непонятный всем нам по статусу класс междометий заполнения хезитационных пауз, которые являются фактами психолого-физиологического плана и не принадлежат ни к лингвистике речи, ни к лингвистике языка. И так далее.

Единицы коммуникативного фонда так же вливались в лингвистику языка: именно они становились флексиями, т. е. создавали парадигмы. Иногда одни и те же единицы присоединялись к знаменательному корнеслову то справа, то слева, то редуцировались. Об этом подробно написано в монографии [Николаева 2008], которая имеет значимый подзаголовок «История блуждающих частиц».

Таким образом, язык в известном смысле можно назвать конфедерацией, которая, однако, не враждует, а сотрудничает.

¹⁰ Вероятно, эту сохранившуюся просодическую модель в словах умел слышать С. В. Кодзасов, но доказать это ему было сложно из-за общей самоуверенной презумпции, что научное открытие должно быть перцептивно общедоступно: ведь не всем дано понять, что «однако ж прав упрямый Галилей».

7. Если принять все сказанное выше всерьез и согласиться с позициями автора настоящей статьи, то было бы естественно предположить, что состав первичных междометий хотя бы для языков одной семьи, например индоевропейских, был бы един — как, в общем, можно попытаться и пытались (например, [Дункель 1992]) свести к единому списку состав индоевропейских партикул.

Однако, это не так.

Так же, как и описанные в книге [Николаева 2008] славянские партикулы не пересекаются с аналогичными по функции партикулами родственных языков, например германских; так же, как фразовая интонация одного языка не совпадает с интонацией языка близкородственного (ср., например, фразовые интонации русского, белорусского и украинского языков по книге [Николаева 1977]), также и первообразные междометия, казалось бы, первичные элементы лингвистики речи, совпадают друг с другом (о функции их здесь не говорится, только о плане их выражения) по очень небольшому выявленному мною списку.

Всего нами были зафиксированы списки первообразных междометий 13 языков¹¹.

Английский язык: *ah, aha, ahem, aw, bah, bingo, bleh, blah, boo, boo-boo, ttk, eh, er, ew, gak, ha, hey, hist, hm, hmph, ho-ho, hup, huh, ick, wow...* и т. д.

Немецкий язык: *heisa, hei, ah, aha, ätsch, nanu, hoppla, oho, echt, nja, hoha, na, hm, pfui, bäh, igitt, äks, huhu, hu, brr, au, autsch, aua, auweh...* и т. д.

Французский язык: *a, ah, ale, bah, boft, eh, fi, ha, hé-hé, hé, hein, hé, là, hep, heut, hi, heu, hum, youpi, tut, brr, j, ouille, ouiche...* и т. д.

Итальянский язык: *oh, ah, th, ehi, veh, toh, mah, doh, bo, tah, zip...* и т. д.

Испанский язык: *zape, no, ay, eh, ah, ehhe, ole, esc, ay...* и т. д.

Португальский язык: *oh, oxala, ai, fu, irra, ole, ola, ih, psiu, psch...* и т. д.

Латышский язык: *ai, au, vai, brr, oja, iju, rau, re, raug, klau, skat, hei, pag, tis...* и т. д.

Несмотря на то, что списки междометий, как видно по приведенным нескольким примерам, не совпадают, все же сходство заметить легко. Во-первых, активно фигурирует спигант {h}. Это отмечалось практически всеми исследователями междометий европейских языков. Во-вторых, активны гласные [a], [o], [e] — как в комбинациях, так и изолированно.

Гораздо интереснее другое. Если звуковое сходство между междометиями и их списками в европейских языках все же найти можно, то различия в обращениях к животным и подражаниях звукам животных просто поражают. Догадаться, что французскую кошку подзывают *мину-мину* вместо нашего *кис-кис*, просто невозможно. Приведем еще примеры. Немецкий: *tirili* (пение птиц); *wiff* (лай собаки); *klirr* (дребезжание); *schwups* (хлопанье); *blubb-blubb* (хлюпанье)... В латышском языке утка кричит: *pe-pe-pe*, голубь: *gu-gu-gu*; кошка: *murr-murr-murr*. Итальянская лошадь кричит: *arri, arri*, а лягушка — *gre-gre*. *Uh-uh* — это вой волка-итальянца.

В нашем распоряжении есть данные звукоподражательных слов языков совсем редких: юкагирского, нахского, кабардино-черкесского и каратинского. Представляется, что это резкое различие между сходством первообразных междометий и столь же резкое отличие по языкам слов звукоподражательных и слов — обращений к животным само по себе требует самостоятельного лингвистического исследования и отдельной интерпретации.

¹¹ Эти данные были взяты в основном из Интернета, где фиксировались и настоящие научные статьи, и дипломные и курсовые работы, авторефераты, оригинальные тексты. Поэтому адресацию этих работ, на наш взгляд, легко проверить, не загромождая статью. При этом нужно отметить, что для многих языков (например, для английского и немецкого) предоставлялось много материалов разных авторов (особенно много было списков междометий английского языка). Таким образом, в сумме мною были проанализированы 74 списка. К этому нужно добавить еще отдельно выделенный мною состав списков предполагаемых русских междометий: считая, что авторы — носители русского языка (а они таковыми в основном и были) — ориентируются в языке более точно, опасаясь читательской проверки. Списков русских междометий было 29.

8. О русских междометиях написано очень много и перечислять их в данной статье не имеет смысла. Хочется обратиться к тому, что можно назвать «фонетикой служебных слов» или — уже — фонетикой коммуникативного фонда. В частности, все языки, которые были мной зафиксированы, имели состав междометий чисто односложного вокального состава: [a], [o], [u], [i] и т. д. Как заметил С. Карцевский (см. выше), некоторые из них становились сначала внешними, а затем внутренними союзами. Это безусловно так. Но если обратиться к словнику партикул, как он представлен в книге [Николаева 2008], то очевидно, что они строятся из или чистого вокала, или консонанта с вокалом: CV — *да, ли, бо, же* и т. п. Междометия же, напротив, строятся по принципу чистого вокала или противоположного по отношению к партикулам соотношения VC, т. е. сочетания вокала с консонантом: *ай, ой, ах, ох* и т. д.

Выше говорилось о том, что во многих языках в междометиях представлен звук {h}, произносящийся или непроизносящийся. Существует предположение, что он является маркером долготности предшествующего звука; это предположение требует экспериментальной проверки.

Интересно, что предлоги (по моему мнению, не входящие в коммуникативный фонд, так как они связаны с референцией) предпочитают звук [r]: *pro, contra, через, сквозь* (простореч.), *перед* и т. п., а слова коммуникативного фонда его «не любят».

Таким образом, основной мыслью автора статьи является то положение, что лингвистика речи существует отдельно от лингвистики языка, в известной степени артефактивного, что она состоит из разных древних по своему происхождению и игнорируемых лингвистами сущностей, которые, однако, сосуществуют с собственно языковой по-уровневой системой, переплетаясь с ней как в сфере синтагматики, так и в сфере парадигматики.

И междометия входят в коммуникативный фонд этой лингвистики речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1934/1995 — Абаев В. И. Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. Т. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 33—54; Абаев В. И. Избранные труды. Т. 2: Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995. С. 45—66. [Abaev V. I. Language as ideology and language as technique. *Language and thought*. Vol. 2. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1934. Pp. 33—54; Abaev V. I. *Izbrannye trudy*. Vol. 2: *Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie*. Vladikavkaz, 1995. Pp. 45—66.]
- АГ-70 — Грамматика современного русского языка. М.: Наука, 1970. [*Grammatika sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1970.]
- АГ-80 — Русская грамматика: В 2 т. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika: V 2 t. T. 1: Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar: In 2 vol. Vol. 1: Phonetics, phonology. Accent. Intonation. Word-formation. Morphology. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Бурлак 2014 — Бурлак С. А. [Рец. на:] Фитч У. Т. Эволюция языка / Пер. с англ. Е. Н. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2013. 768 с. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 5. С. 70—77. [Burlak S. A. [Review of:] Fitch W. T. The evolution of language. Transl. by Panov E. N. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013. 768 p. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2014. Vol. 73. No. 5. Pp. 70—77.]
- Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. [Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999.]
- Виноградов 1973 — Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1973. [Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)*. [The Russian language. A grammatic theory of the word]]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1973.]
- Дункель 1992 — Дункель Г. Э. Грамматика частиц // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 13—33. [Dunkel G. E. The grammar of particles // *Voprosy yazykoznanija*. 1992. No. 5. Pp. 13—33.]
- Елоева и др. 2014 — Елоева Ф. А., Перехвальская Е. В., Саусверде Э. Метафора и эвристическая функция языка (бывает ли язык без метафор) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 78—99.

- [Eloeva F. A., Perexval'skaja E. V., Sausverde 3. Metaphor and heuristic function of language (Is a language without metaphor possible?). *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 1. Pp. 78—99.]
- Карцевский 1984 — Карцевский С. Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 127—137. [Karcevskij S. Introduction to the study of interjections. *Voprosy jazykoznanija*. 1984. No. 6. Pp. 127—137.]
- Карцевский 2004 — Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Т. II. М.: Языки славянских культур, 2004. [Karcevskij S. I. *Iz lingvisticheskogo naslediya*. T. II [From the linguistic heritage]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- Кацнельсон 1936 — Кацнельсон С. Д. К генезису номинативного предложения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Katsnel'son S. D. *K genezisu nominativnogo predlozheniya* [Towards the genesis of nominative sentences]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1936.]
- Кацнельсон 1949 — Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. [Katsnel'son S. D. *Istoriko-grammaticheskie issledovaniya* [Historico-grammatical studies]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1949.]
- Козинцев 2014 — Козинцев А. Г. [Рец. на:] У. Т. Фитч. Эволюция языка / Пер. с англ., науч. ред. и послесл. Е. Н. Панова; послесл. А. Д. Кошелева. М.: Языки славянской культуры, 2013 // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 133—139. [Kozintsev A. G. [Review of:] W. T. Fitch. The evolution of language. Translated from English and edited by Panov E. N., afterword by Panov E. N. and Koshelev A. D. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 4. Pp. 133—139.]
- Мещанинов 1929 — Мещанинов И. И. Введение в яфетидологию. Л.: Прибой, 1929. [Meshchaninov I. I. *Vvedenie v yafetidologiyu* [Introduction to Japhetic studies]. Leningrad: Priboi, 1929.]
- Николаева 1977 — Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. [Nikolaeva T. M. *Frazovaya intonatsiya slavyanskikh yazykov* [Phrasal intonation in Slavic languages]. Moscow: Nauka, 1977.]
- Николаева 2000а — Николаева Т. М. Несколько слов о лингвистической теории 30-х: фантазии и прозрения // Слово в тексте и словаре. Сборник статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 591—607. [Nikolaeva T. M. About the linguistic theory of the thirties: fantasies and insights. *Slovo v tekste i slovare. Sbornik statei k 70-letiyu akad. Yu. D. Apresjana*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000. Pp. 591—607.]
- Николаева 2000б — Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2000. [Nikolaeva T. M. *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2000.]
- Николаева 2008 — Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2008. [Nikolaeva T. M. *Neparadigmaticheskaya lingvistika* [Non-paradigmatical linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2008.]
- Николаева 2009 — Николаева Т. М. Почему лингвисты не любят «про интонацию»? // Фонетика и нефонетика. Сб. статей к 70-летию С. В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 43—52. [Nikolaeva T. M. Why don't linguists like to discuss intonation? *Fonetika i nefonetika. Sb. statei k 70-letiyu S. V. Kodzasova*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009. Pp. 43—52.]
- Прокахина 2012 — Прокахина Д. А. Семиотические особенности системы междометий современного испанского языка // http://dibase.ru/article/1311/213112012_98819_prokahina/2 [Prokakhina D. A. Semiotic features of the modern Spanish interjections system. Available at: http://dibase.ru/article/1311/213112012_98819_prokahina/2]
- Соссюр 1977 — Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.; Л.: Прогресс, 1977. [Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works in linguistics]. Moscow; Leningrad: Progress, 1977.]
- Томаселло 2011 — Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. [Tomasello M. *Istoki chelovecheskogo obshcheniya* [Origins of human communication]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Фитч 2013 — Фитч У. Т. Эволюция языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Fitch W. T. *Evolutsiya yazyka* [The evolution of language]. M.: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Шаронов 2008 — Шаронов И. А. Междометие в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008. [Sharonov I. A. *Mezhdometie v rechi, tekste i slovare* [The interjection in speech, text and dictionary]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2008.]
- Шведова 1957 — Шведова Н. Ю. Междометие как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 85—95. [Shvedova N. J. Interjections as grammatically significant elements of the sentence in colloquial Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 1957. No. 1. Pp. 85—95.]

- Ameka 1992 — Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech. *Journal of pragmatics*. 1992. Vol. 18. Pp. 101—108.
- Boeree 2003 — Boeree C. G. *The origins of language*. Available at: <http://www.ship.eduegboeree/lamg-origins.html>.
- Chiarelli 1989 — Chiarelli Br. The origin of human language. *Studies in language origins*. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 1989.
- Corbalis 2002 — Corbalis M. C. *From hand to mouth: the origins of language*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2002.
- Fründt 1993 — Fründt H. Speech origin research: semiotic and linguistic indications from echolocation among animal. *Language origins Society. 9-th meeting*. Oranienbaum, 1993.
- Hermann 1942 — Hermann E. *Probleme der Frage*. Göttingen, 1942.
- Karcevski 2000 — Karcevski S. De l'exclamation à la conjonction? Karcevski S. *Inédits et introuvables*. Paris: Peeters éd., 2000. Pp. 137—175.
- Ragir 1993 — Ragir S. The development of stone tool technologies and the structure of thought. *Language origins Society. 9-th meeting*. Oranienbaum, 1993.
- Tassot 1988 — Tassot D. *Language — origins and evolution*. Available at: <http://www.creationism.org/csshs>.

Статья поступила в редакцию 14.01.2015.